

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ «ПРЕКРАСНОЕ-БЕЗОБРАЗНОЕ» В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Т. Н. Бабич,

*кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры
теории и истории искусства учреждения образования
«Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

Аннотация. Рассматриваются различные аспекты эстетических категорий «красоты» и «безобразного» в современном искусстве. Актуализируется новый феномен «Ugly Art» (уродливое искусство), выявляется его значение и критерии восприятия. Автор осмысливает ценность красоты, смещение ценностного подхода к пониманию красоты (прекрасного) в творчестве современных западных художников. Обосновывается значение критериев красоты в сознании современного человека.

Ключевые слова: красота, безобразное, современное искусство, эстетика, живопись, шокирующая опера, критерии красоты, эстетическая категория.

DIALECTICAL CONNECTION «BEAUTIFUL-UGLY» IN CONTEMPORARY ART

T. Babich,

*PhD in Art History, Associate Professor, Professor of the Department
of Theory and History of Art of the Educational Institution
«Belarusian State University of Culture and Arts»*

Abstract. The article examines various aspects of the aesthetic categories of «beauty» and «ugly» in contemporary art. The new phenomenon of «Ugly Art» is updated, its meaning is clarified, and criteria for its perception are developed. The author comprehends the value of beauty, the shift in the value approach to understanding beauty (the beautiful) in the works of modern Western artists, and substantiates the importance of the criteria of beauty in the consciousness of modern man.

Keywords: «beauty», «ugly», contemporary art, aesthetics, painting, shocking opera, beauty criteria, aesthetic category.

Эстетическая категория «красоты» – это квинтэссенция миропопорядка, гармонии, эстетический абсолютизм. В искусстве она осмысливалась как канон, путь идеализации образов и средств выражения. Идеалами красоты служили полотна Сандро Боттичелли и Рафаэля Санти, скульптуры Микеланджело и Антонио Канова, музыкальные произведения И.-С. Баха и В.-А. Моцарта, Фридриха Шопена и П. И. Чайковского. Следуя канонам прекрасного, мастера прошлого создали искусство истинного наслаждения, объединив в целое форму и содержание. В противовес им другие творцы стремились работать с более взрывными и резкими формами, жанрами и стилями, бросая вызов всем правилам, искажая восприятие реальности и сферу образности. Работы таких мастеров выделялись резкими, кричащими и интенсивными цветами, искаженными образами, эпатажными сюжетами (работы Эдварда Мунка, Пабло Пикассо, Франсиско Бэкона, Гюстава Курбе и др.).

Сложный характер имеет осмысление «безобразного» в искусстве: от понимания его как «небытия» (т. е. отсутствие художественной формы) до изображения соответствующих образов и сюжетов в назидательно-дидактических и эмоционально-побудительных целях. Общество негативно оценивало безобразное, как противоречащее главному идеалу античного мира – упорядоченному космосу и ориентированному на него рационально организованному социуму [1, с. 66]. На протяжении XX в. безобразное подпитывалось творчеством художников-авангардистов, идеями Фридриха Ницше, Зигмунда Фрейда, социальными противоречиями, военными конфликтами, достижениями НТР, природными катаклизмами и бессилием человека в борьбе с ними. Искусство постмодернизма усилило безобразное, которое перешло в новое «эстетическое» качество и привело к реконструкции консервативных норм, смакованию физического уродства, насилия, неестественных отношений между людьми, пошлости и пр. [Там же, с. 69].

Новым веянием эпохи стало направление «уродливого» искусства (англ. Ugly Painting). Понятие «уродливый» многомерное и включает в себя шкалу негативных оттенков: «неестественный», «безобразный», «ужасный», «отталкивающий», «отвратительный».

Уродство всегда ассоциировалось не только с болезнями и уродством внешним, но и с нечестностью, насилием, агрессией и фанатизмом. Произведения искусства, содержащие провокацию, являются вызовом установленным нормам и традициям. Они порождают недоумение, отрицательную реакцию. Для приверженцев традиционного искусства считаются уродливыми такие произведения, как, например, «Безобразная герцогиня» Квентина Массейса (ок. 1513 г.), «Сатурн, пожирающий своего сына» Франсиско Гойи (1819–1823), «Портрет Магдалены Вентура с мужем и сыном» Хусупе Риберы (1629–1631), «Мое рождение» Фриды Кало (1932), «Красное яйцо» Оскара Кокошки (1941), «Спящая социальная работница» Люсьена Фрейда (1995) [4].

Пространство Интернета переполнено публикациями как защитников, так и оппонентов «Ugly Art». Эпатажно-кричащей стала выставка «Ugly Painting» (2023) в Нью-йоркской галерее «Nahmad Contemporary», рассматривающая уродство как предмет «искусства». Основной посыл выставки – концепция «плохой живописи» («bad painting»), предложенная в последней трети XX в. американским критиком и куратором Марсия Такер. Приверженцы «плохого искусства» пренебрегают нормами хорошего вкуса, отказываются от привычных форм или тяготеют к кичу. Зародившись в 1920-х гг. в искусстве художников Франсиса Пикабиа, Джорджо де Кирико, Рене Магритта и др. как стратегия личного протеста, в начале XXI в. это направление вышло на новый уровень.

На выставке «Ugly Painting» были представлены «плохие» картины более 20 художников, в числе которых Ричард Принс, Такаши Мураками, Даниэль Рихтер, Кэрролл Данэм, Николь Айзенман, Яна Эйлер, Коннор Мари, Джаред Мадере и др. Наиболее прямые и буквальные визуальные подходы к уродству включают в себя изображения человекоподобных амальгам: «Всадник/лошадь...» («Rider/horse switch under observation ride thrown off») Я. Эйлер, «Свинья» (Pork) К. Мари, «Вы должны поговорить с новым поколением, они сумасшедшие» («You gotta speak with the new generation they crazy») Дж. Мадере. Выставка также позиционирует безвкусицу, ключевым примером которой является «Посвящение Фрэнсису Бэкону» (триптих «Красный+Черный») Т. Мураками.

Тема монструозности (монстризации) и демонизации в «плохом» искусстве становится актуальной как никогда. Массовая культура создала более благоприятную почву для репродукции

многочисленных монструозных существ – монстров, чудовищ, зомби, троллей и пр. (например, хоррор; с англ. Horror film – фильм ужасов, ужасы). На картине немецкой художницы Я. Эйлер «Analysemonster» (2014) изображено откровенно отвратительное существо – монстр с огромными руками и ногами, гигантскими розовыми ушами с опухшими оранжевыми мочками, пятнистым огненным языком, вываливающимся изо рта и зелено-желтыми блюдцами-глазами. Вместо груди у него – светящаяся зеленая пустота с тремя сердцами-валентинками, на которые наложены бледно-зеленые рисунки любовников. На его огромном лбу рисунок фигуры, рождающей схожего монстра. Концепция картины прочитывается: «Чудовище порождает подобное себе» [7]. В защиту «уродливого» искусства критики провозглашают: «Когда произведение искусства выражает моральную эстетическую идею, оно больше не является уродливой картиной, независимо от того, что интерпретируется» [6].

Что явилось причиной столь резкой деградации искусства? Художники «уродливого» искусства полагают, что мир искусства и литературы в скором времени иссякнет в поиске нового, исчерпывают себя образы и темы. И это, возможно, взорвется в стремлении к неизвестному, к более ненормальным, фантастическим или отвратительным сценам, к изображениям, которые распадаются, деформируются, облекаются в новые формы. В свою очередь штрихи диссонанса и брызги отвращения часто делают произведения искусства яркими и мощными. Представители этого направления искусства верят, что игра с категорией уродства может привести к более высоким формам красоты, потому что красота и уродство являются частью одного и того же континуума, ибо освещают одни и те стороны жизни [5].

По пути шокирования следует и оперное искусство. На оперной сцене воцарились страх и ненависть, отвращение и пошлость. Режиссеры новой формации ни перед чем не останавливаются в поиске нестандартных идей. Для современной оперы нет запретов и цензуры: ставить можно все и как угодно. Нередко драматизм оперы остается сокрытым под слоем театральных условностей, однако некоторые режиссеры находят способы привлечь внимание зрителей, шокировать их и вызвать сильное, зачастую неприятное, переживание. Примеров «шокирующей» оперы сегодня немало: «Риголетто» Дж. Верди на сцене Большого театра в Москве (реж. Роберт Карсен, 2014), «Поворот винта» Бенджамина Бриттена в Театре Ла Монне в Брюсселе (реж. Андреа Брет, 2021), «Тос-

ка» Джакомо Пуччини в Театре «Ан дер Вин» (реж. Мартин Кушей, 2022), «Вольный стрелок» Карла Вебера на Брегенцском фестивале (реж. Филипп Штёльцль, 2024) и др.

Резкому осуждению с позиции радикальной трансформации оперной эстетики подверглась постановка оперы В.-А. Моцарта «Свадьба Фигаро» режиссера М. Кушей на Зальцбургском фестивале 2023 г. Постановщик прибег к идее разрушения замысла оригинала. Герои оказались в иной эпохе и обстоятельствах: Керубино представлен фриком-соблазнителем, Графиня – несчастной женщиной, предающейся эротическим мечтам, разглядывающей репродукцию провокационной картины Г. Курбе «Происхождение мира». Режиссер изобразил героев криминальной бандой, живущей в безликих помещениях с видом на помойку. Нередко постановки нарушают границы допустимого, вызывая «травматический эффект» у зрителя, как, например, напумевшая анти-опера «Санкты», созданная по мотивам произведения Пауля Хиндемита «Святая Сусанна», на сцене Штутгартской государственной оперы (реж. Флорентина Хольцингер, 2024), где были попорчены все нормы морали и духовности [2]. В итоге «новые» оперные версии отдаляются от оригинала и превращаются в собственное авторское высказывание, порой грубое и отталкивающее. Жанровыми константами выступают «триумф зла», «кровь на снегу», «кошмар абсурда», «анти-опера», «скандальная опера» и т. п.

Следует признать, что искусство сегодня функционирует в пространстве агрессивной пропаганды культурных явлений, разрушающих целостность общества идеологий, полярных оценок. Устойчивой реакцией на восприятие произведения искусства становится «культурный шок». Закономерными становятся вопросы: по каким критериям оценивать современное произведение? где находятся его художественно-эстетические границы? Ответы на них вносят в нашу жизнь разногласие – различаются мнения как ценителей искусства, так и рядовых зрителей. Низведение красоты представляет особую опасность для человека и общества в периоды переломные, кризисные. Красота всегда являлась источником сильнейших позитивных переживаний, которые освещают весь внутренний мир человека [3, с. 77].

1. Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. – М. : Рос. политич. энцикл., 2003. – С. 66–69.

2. Страх и ненависть в оперном театре // Музыкальная жизнь. – URL: <https://muzlifemagazine.ru/strakh-i-nenavist-v-opernom-teatre> (дата обращения: 14.04.2025).

3. Тарутина, Е. И. Расчеловечение и низведение красоты / Е. И. Тарутина // Инновационная наука. – 2023. – № 8 (2). – С. 76–79.

4. Jordan, A. Famous Ugly Paintings – Art That Proves Beauty Is Not Everything / Anthony Jordan // Art in Context. – 2024. – February, 4. – URL: <https://artincontext.org/famous-ugly-paintings> (date of access: 31.03.2025).

5. Ugly painting // Nahmad Contemporary. – URL: <https://www.nahmadcontemporary.com/exhibitions/ugly-painting> (date of access: 29.03.2025).

6. Ugly painting: The dialectic of painterly style and pictorial content. – URL: <https://whitehotmagazine.com/articles/dialectic-painterly-style-pictorial-content/5935> (date of access: 15.04.2025).

7. Wetzler, R. The Good, the Bad, and the Ugly / Rachel Wetzler // Art in America. – URL: <https://www.artnews.com/art-in-america/features/jana-euler-paintings-ugly-bad-1202685030> (date of access: 28.03.2025).